

4

ПРОБЛЕМА ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Когда кто-либо берётся что-то доказать, Агнос, то ему прежде всего нужно обсудить саму теорию доказательства. Как в любой игре есть соответствующие правила, так есть они и в игре доказательства. На вопрос: каким образом данное утверждение доказать? — простого ответа нет. Доказательство на судебном процессе может отличаться от доказательства в геометрии, и доказательство в науке может отличаться от доказательства в теологии. Многие мыслители говорят, что логичным противоречием является выражение «теологическое доказательство», но так вообще говорят те люди, которые утверждают, что вера является слепым прыжком. Если вера является приемлемым прыжком, как мы утверждали в предыдущей главе, то моя обязанность в том, чтобы показать, что религия может пользоваться теми методами доказательства, которыми пользуются другие формы изучения. Давайте начнём с расследования самой уверенной формы доказательства, — дедукции.

А. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ДЕДУКЦИЕЙ

Если есть такое явление, как «совершенное доказательство», то оно вероятно находится в дедуктивных процессах. Совершенное доказательство имеет то значение, что Ваше утверждение, то есть Вами утверждаемый вывод, необходимо вытекает из Вами представленных причин (то есть предпосылок). Это значит, что нет никакого сомнения, — приемлемого или какого-либо другого, — в данном выводе.

Выражение «сделать вывод из чего-нибудь» связано с латинским словом *deductio*, означающим «выведение из чего-нибудь». В дедукции рассуждаешь, начиная с общего, и переходишь к специфичному, то есть в рассуждении начинаешь со всеобщего и переходишь к определённом, как показано в следующем силлогизме:

- 1) Все вороны — чёрного цвета.
- 2) Яков является вороной.
- 3) Следовательно, Яков — чёрного цвета.

Изучая этот образцовый силлогизм, Вы заметите три характерные черты дедукции, которые дают силлогизму «несомненные» его выводы:

- 1) Ваш вывод неизбежен, если предпосылки достоверны и если силлогизм правильно составлен (то есть если он состоятелен).
- 2) Ваш вывод заключен в предпосылках.

3) Никакое открытие в мире фактов не изменит достоверного состояния вывода, если предпосылки достоверны и силлогизм состоятелен.

Если принять первые две предпосылки нашего образцового силлогизма, то никак нельзя, без внутреннего противоречия, отрицать вывод, потому что вывод заключен в предпосылке. Надо только вытеснить и выявить её. Дедукция — это упражнение тавтологии: определяешь необходимое значение предложений, вместе составленных по состоятельному образцу. Если бы Вы доказали, что «все вороны — чёрного цвета», то Вы подсчитали бы всех ворон, и если Яков, на самом деле, является вороной, то он был бы одним из подсчитанных Вами. Поэтому Вы знали бы, что он чёрного цвета без составления этого силлогизма. Почему, тогда, нужно составить силлогизм в доказательство того, что, как Вы сами знаете по непосредственному опыту, утверждаемое совсем достоверно? Дедукция основана на предпосылках, которые, — если они совсем достоверны, — казалось бы, делают дедукцию ненужным упражнением? Но дело в том, что полезность дедукции мы с соответствующей тонкостью поймём только после того, как пересмотрим другой метод, — метод индукции.

Не надо считаться с эмпирическим миром для того, чтобы пользоваться дедуктивным процессом. В дедукции можно всю жизнь играть с символами и никогда не объяснить, что именно они собой представляют, но всё-таки приходишь к каким-то неизбежным выводам. В математике, которая оказывается весьма дедуктивной, $2 + 2 = 4$ независимо от условий в мире эмпирических фактов. Можешь закрыть глаза, прикрыть уши и нос, связать пальцы и язык клейкой лентой, притупить чувства, но всё равно скажешь, что $2 + 2 = 4$. Это верный факт, независимо от предметов, с которыми имеешь дело. По этой причине в математике можно поместить решения проблем в конце книги; в дедуктивном процессе может быть только одно верное решение. Если Вы, скажем, пришли к решению, которое отличается от правильного решения, то проблемы Вы не поняли.

Агнос, теперь Вы готовы понять критическую разницу в логике, — разницу между *состоятельностью* и *достоверностью*. Люди свободно пользуются словом «состоятельный» со значением «верный» или «достоверный». Однако, в формальной логике слово имеет то значение, что силлогизм правилен в своём составлении или форме. Слово «состоятельный» не доказывает, что силлогизм в целостности своей достоверен. Например, обратите внимание на следующий силлогизм:

- 1) Неразумен всякий, кто ест морскую водоросль.
- 2) Все апологеты едят морскую водоросль.
- 3) Следовательно, все апологеты неразумны.

Этот силлогизм состоятелен, то есть вывод соответственно вытекает из предпосылок, и вывод был бы надёжным, *если бы* предпосылки были достоверны. Однако, обе предпосылки неверны, поэтому вывод оказывается ненадёжным, хотя силлогизм в своей целостности состоятелен. Чтобы проверить состоятельность силлогизма, надо всего лишь свести его к символам:

- 1) Всё «С» равносильно «Ц».
- 2) Всё «А» равносильно «С».
- 3) Следовательно, всё «А» равносильно «Ц».

Как только сводишь силлогизм к символам для того, чтобы проверить его состоятельность, то отделяешь дедуктивный процесс от мира подлинных

фактов. Мы теперь видим, что восхваляемая несомненность дедукции обманчива. Эта присущая ей несомненность подобна пророчеству, которое само по себе исполняется. От начала *знаешь*, каковым будет вывод, потому что условия данной проблемы были заранее оформлены. Если $2x=10$, то без всякого сомнения *знаешь*, что $x=5$, потому что по известному определению цифр «2» и «10» и по определению целых чисел, « x » может быть только «5». Если утверждать что-то иное, то противоречишь самому себе. Основой всякой разумной аргументации и коммуникации является закон противоречия.

Несомненность дедукции подобна заявлению, что «все хорошие люди являются людьми». В этом заявлении нет ничего, удивляющего нас, потому что сказуемое (предикат) содержится в подлежащем. Когда в предложении предикат содержится в подлежащем, то мы это называем «аналитическим утверждением». По определению, такие утверждения достоверны. Они целиком достоверны, но сами по себе никакой новой информации нам не дают. Много не узнаёшь о мире, обращая внимание на такие лишние заявления как: «у холостяков жён нет»; «у вдов мужей нет»; «слепые не видят»; «глухие не слышат».

Во все периоды истории были люди (особенно рационалисты), которые считали, что доказать любую вещь можно только этим математически-дедуктивным методом. Однако, они не понимали того, что в вопросах, относящихся к фактам, дедукцией ничего, в сущности, не доказываешь. Как Бертран Рассел и Алфред Уайтхед заявляют в произведении «*Principia Mathematica*», настоящая математика достоверна лишь потому, что она является особенным видом дедуктивной логики. И логика и математика выходят из тавтологии, определяющих аксиом. Логика очень важна по той причине, что она придаёт *форму* содержанию реальности, однако невозможно пользоваться логикой для того, чтобы заранее доказать *содержание реальности*. Это правда, что если иметь надёжные силлогизмы, то также надо иметь и правильную форму; но предпосылки должны быть достоверны. Это приводит наше исследование к критическому вопросу: каким образом доказать достоверность предпосылки?

Б. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ИНДУКЦИЕЙ

Доказать достоверность предпосылок можно индукцией. Это слово пришло к нам из латинского языка и означает «ведение к чему-нибудь». В индукции начинаешь рассуждать с определённого и переходишь к общему, с индивидуального идёшь к универсальному. Спускаешься на землю среди травинки и подсчитываешь все те сотни и тысячи подробных единиц, которые вместе составляют используемые дедукцией доводы в оформлении большой общей предпосылки, — такие как: «все люди смертны»; «все вороны — чёрного цвета».

В индукции предпосылки не являются всеобъемлющими обобщениями. Это дискретные, атомные единицы наблюдения. Допустим, что Вы хотели бы доказать достоверность предпосылки, используемой Вами в данном силлогизме («все вороны — чёрного цвета»). Вам нужно было бы выступить в мир и посмотреть на отдельных ворон. Ваша запись наблюдений выглядела бы по-следующему:

- 1) Ворона № 1 — чёрного цвета.
- 2) Ворона № 2 — чёрного цвета.
- 3) Ворона № 3 — чёрного цвета... и так далее.

Другими словами, выходит, что каждая ворона, которую Вы встретили — чёрного цвета. Оправдано ли Ваше тогда заключение, что все вороны — чёрного цвета? Не забывайте, что есть большая разница между заявлениями «все вороны — чёрного цвета» и «все вороны, подсчитанные мной, — чёрного цвета». Перейти со второго заявления к первому — это называется «индуктивным прыжком», подобным прыжку веры. В любой день Вы никак не могли бы увидеть всех существующих ворон, не говоря уже о воронах, которые существовали в прошлом и ещё будут существовать в будущем. Поэтому Вы не имеете права прийти к выводу, что «все вороны — чёрного цвета». Вам можно выразить такую мысль, но только как личное убеждение. Дело в том, что Ваша предпосылка не вынуждает Вашего вывода. Поэтому в индукции:

- 1) Ваш вывод никогда не вынуждается предпосылкой.
- 2) Ваш вывод автоматически не содержится в предпосылке.
- 3) Новое открытие может изменить достоверность Вашего вывода (например, если бы Вы нашли белую ворону, то это уничтожило бы Ваш вывод).

Кажется, это заставляет нас прийти к несчастливому заключению, Агнос: индукция не может дать нам верных несомненных выводов. Дедукция даёт нам некоторые выводы, но избегает дел, связанных с подлинным миром. Разумно было сказано, что «дедукция не имеет права на свои предпосылки, а индукция не имеет права на свои выводы». Как же тогда нам, людям, познать подлинные истины? Джордж Мередит написал такие строки:

«Ах, какой туманный ответ получает душа,
Когда в жизни горячо ищет уверенности».

В реальности же дело обстоит не так плохо, как нам кажется. Мы, всё-таки, обходимся довольно благополучно, проживаем наши 70 лет и в этом процессе много узнаём о мире. Но мы это делаем, оставив фантастический идеал абсолютной дедуктивной истины. Мы выживаем благодаря тому, что учимся верить, совершать индуктивные прыжки, доверять реальности и людям. Если нужно было бы всё доказать дедуктивным методом, то это закрыло бы все наши суды, уничтожило бы все наши газеты, прекратило бы всякую запись истории и всякую научно-исследовательскую работу. *Мир действует на основании принципов вероятности и доверия, Агнос, не на основании принципа дедуктивной несомненности.*

Агнос, выступая в защиту христианства, я буду пользоваться следующими принципами: истины о делах фактов в отношении эмпирического мира никогда логически не являются необходимыми, потому что логика не может полностью предопределить сущность реальности. Всегда можно представить противоположное фактам. Но сама логическая возможность ошибки не означает, что мы должны сомневаться в весьма вероятном эмпирическом утверждении. Если бы так, то в мире фактов мы никогда не могли бы аргументированно защитить никакое утверждение. Когда мы просим доказать данного утверждения, относящихся к фактам, мы в сущности не желаем, чтобы была показана их логическая невозможность, но чтобы были представлены нам определённые доказательства, которые рассеют наши нормальные сомнения.

Итак, мой друг, Агнос, Вы ничем не повредили христианству, показав, что доказательства в защиту его не являются дедуктивными. Никакое дело, относящееся к фактам, не является дедуктивным, потому что в дедукции сравниваешь идеи с идеями ($A=A$; $2+2=4$), а в индукции входишь в мир

подлинных вещей: палок, камней, людей, кусков бараньего мяса. В этом мире вещи часто вызывают сомнения. Когда составляешь утверждения о мире, существующем за пределами нашего разума, то вместо того, чтобы отнести одну идею к другой, относишь идею к объекту. Отнести идею к объекту гораздо труднее, чем отнести идею к другой идее. Большинство наших споров касается объективного мира и того, как отнести идею к этому миру.

В. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ И СООТВЕТСТВИЕ

Можно яснее увидеть разницу между дедукцией и индукцией, когда мы их заменим и станем пользоваться терминами «последовательность» и «соответствие». Во многих текстах, обсуждающих логику, Вы найдёте, что «Теория последовательности истины» сопоставляется с «Теорией соответствия истины». Последовательность пользуется индукцией тогда, как соответствие пользуется дедукцией.

Вероятно, самым древним и самым популярным определением достоверной истины является последовательность. По этому определению говорится, что данное утверждение достоверно, если только то, о чём сообщается, существует в мире согласно тому, как оно описано самим утверждением. Достоверность — это свойство утверждений, соответствующих подлинному миру. Достоверное утверждение передаёт надёжную информацию о порядке вещей, который лежит за пределами самого утверждения. Теория соответствия гласит так: проверь исходные данные, чтобы увидеть, достоверно ли утверждение. Большинство из нас считает, что если данный факт или событие не проявило воздействия на наше сознание, то они не являются подлинными реальностями. Перед тем, как нам приписать данному факту качество подлинности, он должен быть захвачен нашим «я», взволновать наш ум. В отношении человека ничто не может быть подлинным, пока оно не затрагивает и не относится к нашему сознательному опыту.

Теория соответствия — это теория здравого рассудка. Мы каждый день пользуемся этой теорией. Без неё мы не знали бы никаких фактов. Все великие герои эмпирической эпистемологии: Аристотель, Фома Аквинский, Локк, Расселл, — с полной убеждёностью выступали в защиту этой теории. Однако, в ней мы встречаем некоторые трудности. Прежде всего, когда мы говорим, что «достоверное утверждение должно соответствовать подлинности», то это звучит возвышенно и утончённо. В таком утверждении скрываются два предположения: 1) что в большинстве случаев людские наблюдения соглашаются друг с другом, и 2) что людские наблюдения, — если даже они соглашаются между собой, — правдиво и достоверно изображают реальность. Оба предположения — спорные вопросы. Казалось бы, мы во власти своих чувств и отдельных перцепционных наклонностей.

Теория соответствия тем более ограничена одним простым фактом, — что мы не имеем никакого прямого отношения со многими реальными вещами и явлениями. Просто не можешь «проверить подлинник» всякий раз, когда тебе хочется. Многие явления, — может быть, большинство из них, — лежат за пределами наших исследовательских способностей. Так как мы не владем всезнанием, то в поисках истины надо перейти пробел между известным и неизвестным ещё другим методом.

И как раз тут выступает перед нами Теория последовательности! Так как мы не можем иметь информацию о всей реальности, то единственный путь, с помощью которого можно избежать тирании непосредственного и иметь своё мировоззрение, — то есть определённое понятие о мире, — заключается в дополнении Теории соответствия Теорией последовательности. (За-

метьте сходство с дополнением знания верой.) Было бы замечательно, если бы мы могли иметь связи с каждой единицей космоса, но это не дано нам. Казалось бы, наша единственная надежда в том, что мы имеем непосредственные отношения с некоторой частью реальности, а с остальной частью — непрямые.

Согласно Теории последовательности, утверждение достоверно, если оно соответствует длинному списку последовательных утверждений, многие из которых уже были доказаны (мы надеемся) путями соответствия. Принцип последовательности заявляет, что конечная проверка истины лежит в последовательности илисообразности, которая существует в целой сфере логичных понятий. Мы пользуемся Теорией последовательности тогда, когда говорим, что в геометрии теорема достоверна, так как она соответствует системе других теорем, аксиом и определений.

Доказательство путями последовательности особенно полезно в разных человеческих делах. Например, на судебном процессе ни присяжные, ни судья прямым наблюдением не может подтвердить достоверность обвинения против подсудимого («Джордж убил Брауна»), но можно показать, что только данная гипотеза подходит ко всем свидетельствам и данным косвенного характера, относящимся к рассматриваемому делу. Когда прокурор доказывает присяжным, что «Джордж убил Брауна», то он, в некотором смысле, помогает им «увидеть» убийство: ведь оно должно было произойти, если всем предположениям рассматриваемого дела остаться в последовательном отношении друг к другу.

В подтверждении научных гипотез крайне необходимо доказательство путями последовательности. Астрономы, открывшие Нептун, сочтали факты соответствия с предсказаниями, основанными на принципе последовательности. Они рассуждали так: ввиду того, что произошло какое-то изменение в орбитальном маршруте Урана, и ввиду того, что Ньютонская механика объясняет движение всех движимых тел, то, чтобы объяснить изменение в орбите, приходится предположить существование другой планеты, находящейся за пределами Урана. И они действительно нашли её как раз там, где она должна была быть. Заметьте взаимосвязь между принципами соответствия и последовательности: известный факт в сочетании с теоретическим убеждением привёл их к другому новому факту.

Принцип последовательности открывает нам возможности с некоторой мерой уверенности войти в сферу вопросов, не подлежащих прямому наблюдению. Вы уже видите, что разница и взаимосвязь между последовательностью и соответствием подобна разнице и взаимосвязи между логикой и верой, описанными в предыдущей главе.

Последовательность, всё-таки, также имеет свои ограничения. Всякий, кто останавливается, пользуясь только принципом соответствия, — робок, но всякий, кто безответственным образом пользуется принципом последовательности (как делал Гегель), — слишком смел. Последовательность сама по себе не может дать нам полное мировоззрение, как и дедукция сама по себе не может предвидеть содержание реальности. Вы могли бы составить подробную систему предположений, которые были бы последовательными друг с другом, но также недостоверными по своему содержанию. Последовательность должна быть навсегда связана с соответствием, как вера должна быть связана с логикой. Если разлучить их, то для нас никакого мировоззрения не будет.

Г. КАК ДОКАЗАТЬ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Ввиду того, что христианство является определённым понятием о Вселенной в её целостности, то нас, в сущности, интересует вопрос: как доказать мировоззрение? Сразу же поднимаются голоса почтенных людей: последователей Канта, прагматистов, экзистенциалистов, логических позитивистов, кричащих и утверждающих: «В метафизике ничего не докажешь, так как она относится к вопросам за пределами опыта». Признаю, что только с большой осторожностью мы должны заниматься вопросами, которые находятся за пределами прямого опыта, но я также считаю, что все серьёзные вопросы жизни, в конечном счёте, сводятся к метафизике. Жизнь нуждается в философии; жизнь нуждается в вере; жизнь нуждается в метафизике. Если заниматься вопросами о происхождении, судьбе, цели и смысле жизни, этике, ценностях и Боге, — или вопросами на любые другие весьма важные темы, — то рано или поздно придётся затронуть метафизику.

Если Вы постараетесь заниматься такими вопросами, не ссылаясь на область, превосходящую прямой опыт, то Вы обманете себя и других, которые готовы, по несведению, последовать за Вами. Если принцип последовательности эффективен на судах, в науке и в других областях, то нет причины ему не быть эффективным в метафизике. Те, которые говорят, что в контексте опыта никак нельзя проверить метафизические утверждения, идут слишком далеко. Следует сказать, что метафизические утверждения не подлежат проверке в такой мере, как научные утверждения. Выходит, что разделение между наукой и метафизикой, как и между логикой и верой не так отчётливо и ясно, как кажется на первый взгляд.

Признавая необходимость быть осторожными в обсуждении вопросов, относящихся к делам вне сферы опыта, я вынужден предложить Вам некоторые руководящие принципы для оценки и усвоения мировоззрения.

1) Мы должны признать, что «нейтрального мировоззрения» нет, то есть нет одного метафизического понятия, принятого всеми в качестве самого основного. Мировоззрения берут в основу обсуждения одни и те же данные, но, как мировоззрения, они друг друга исключают. Ни в коем случае не может быть синтеза между, скажем, теизмом и материализмом; они навсегда антитетичны.

К тому же, «самого основного» мировоззрения не существует, то есть нет основного объективного понятия о мире явлений, которое «принимают все мыслители». Мировоззрения похожи на очки; каждый из нас их носит. Через эти очки мы как раз и смотрим на космос. Если снять их, то мы станем видеть очень плохо. Мы увидим тысячи данных, но как одну целую массу, лишённую определённого значения. Если Вы постараетесь без этих очков посмотреть на действительность с точки зрения философии или науки, то она представится Вам целиком беспорядочной массой.

Агнос, помните, как мы говорили о нашей «перцепционной наклонности». Никто не видит всего, существующего в данный момент во внешнем мире. То, что Вы решаете видеть, определяется Вашей личной перцепционной наклонностью. «Нейтральной» перцепционной наклонности нет, ибо это означало бы, что такая перцепционная наклонность принимает всё без всякого разбора. Всё, что мы можем сделать, — это сравнить наши отдельные мировоззрения друг с другом, но не с какой-то мифической нейтральной метафизической системой.

2) Надёжное мировоззрение должно проявлять высокую меру последова-

тельности, внутренней последовательности. Можно очень быстро уничтожить любую систему, — именно, показанием её противоречивой, как мы сделали в онтологии крайнего скептицизма. Это подобно тому, как насмерть прокололи сердце шляпной булавкой: рана не большая, но смерть неизбежна. Например, если ваша система подтверждает и детерминизм и свободу воли, то у Вас есть проблема; придётся каким-то хитрым образом показать, как первое и второе одновременно достоверно.

Утверждаю, что надёжное мировоззрение должно «проявлять большую меру последовательности». Почему не сказать: «... полную меру последовательности»? Я сомневаюсь, что любой смертный может достичь полной последовательности, особенно, когда он занимается вопросами, относящимися ко Вселенной в её целостности! Эмерсон однажды сказал: «Глупая последовательность — это дух-проказник маленьких умов, украшенный маленькими государственными деятелями, философами и священниками. Великая душа никакого дела не имеет за последовательностью».

Это слишком строго. Если в «глупой последовательности» Эмерсон имеет в виду «совершенное соответствие», то я с ним согласен. Но я воздерживаюсь полностью обесценивать последовательность, потому что она — главный критерий в познании истины. Начиная с Аристотеля, мыслители стараются составить альтернативные системы логики, но пока ещё никто не придумал ни одной, которая могла бы освободиться от требования последовательности. Основным является закон противоречия, даже в обсуждении мировоззрений. Мне кажется, что мы никак не можем превзойти её. Если в данной системе я нахожу большое противоречие, то это вынуждает меня искать другую систему. Я признаю, что в христианстве есть противоречивые вопросы, но я надеюсь свести их к парадоксам и показать, что остальные — относительно маловажны.

3) Надёжное мировоззрение строго держится принципа соответствия; оно поддерживается данными. Сверх того, в нём есть данные различных типов. Оно старается *принять во внимание и объяснить* данные из всех областей реальности. Оно не предпочитает физические данные психологическим фактам, или объективные данные — субъективным, или материальную действительность — духовной. Метафизику считать некоторую часть реальности неактуальной, — это настолько предосудительно, насколько адвокату обратиться к суду присяжных со словами: «Всякий, свидетельствующий против моего клиента, определенно — лжец!».

Мы никакого права не имеем предрешить рассматриваемый вопрос утверждением, что одни данные важнее более основного характера, правдивее или реалистичнее других данных. Надёжное мировоззрение старается учесть всякие данные и ими создать толковую и последовательную картину. Если подчинить одну часть реальности другой, то мы должны предоставить удовлетворительное объяснение, почему мы так делаем. Мы должны доказать, что есть смысл в том, чтобы подчинить одну часть реальности другой, то есть что это даст нам более последовательное представление о всех данных.

4) Надёжное мировоззрение обладает способностью обширного объяснения. Не надо «видеть» теорию, надо всего лишь видеть или понимать, что она учитывает и объясняет все *видимые* Вами данные. В области знания мы никакого прогресса не будем иметь, пока не перейдём пределы данных и не затронем постулатов, теорий и гипотез, объединяющих данные.

Хорошим учёным является мыслитель, который разумно пользуется данными, то есть он составляет какой-то план, модель, картину, образец, план интерпретации, показывающий нам то, что голые данные именно доказывают. Данные, в сущности, «не говорят сами за себя», как часто говорится; данные говорят лишь в защиту какой-то теории.

Когда дело касается метафизики, то масштабы предмета столь обширны и проблема так далеко оторвана от простых наблюдений и простого управления данными, что становится вполне понятной наша нужда в методе последовательности. Метафизика никогда не будет проявлять такую несомненность, которую проявляет физика, но это не значит, что метафизики просто высказываются наугад о каких-то неясностях. Мы принимаем метафизические системы по их способности объяснения, не то тому, что можно полностью подтвердить их. Мировоззрения рекомендуют себя нам в силу своей ясности, последовательности, связности и способности интерпретации. Марксист утверждает, что марксизм помогает ему понять историю лучше, чем другая интерпретация. Фрейдовский психолог говорит, что фрейдовская интерпретация помогает ему иметь более глубокое и более последовательное понятие о человеке, чем другие конкурирующие интерпретации.

Агнос, я — христианин по той причине, что христианский теизм лучше объясняет действительность, чем материализм. Как К. С. Льюис точно отметил, мы, христиане, верим в Бога по той самой причине, по какой верим, что существует солнце, — не потому, что мы можем видеть его, но потому, что без него мы ничего не видели бы.

5) Все мировоззрения рано или поздно пользуются рассуждением, основанным на доводах, которые сами нуждаются в доказательстве. При метафизическом уровне такое рассуждение не оказывается ошибочным, как при уровне физическом.¹ Составление мировоззрения подобно доказательству утверждения на суде: всё сводится к тому, чтобы доказать то, что вначале утверждалось. Как адвокату, так и метафизику нужно защитить определённый тезис и показать, что предлагаемый тезис объединяет и объясняет сложный комплекс данных. Поэтому, прийти к тому тезису, с которого ты начал, — это, в сущности, не является ошибкой; на самом деле, это — основное правило игры. Как А. Н. Уайтхед сказал: «Настоящий метод философского составления заключается в установлении целого ряда идей, — как можно лучше и с решимостью исследовать интерпретацию опыта согласно этим идеям».²

Во многих философских обсуждениях, — хоть в отношении *некоторых* вопросов, — нам приходится начинать с желаемого для себя вывода, а не с доказательства. Выражаясь точнее, это значит, что в большинстве случаев наши утверждения имеют своё начало в предпосылках. Если бы хотя некоторые вещи не нуждались в доказательстве, то абсолютно ничего нельзя было бы доказать и невозможно было бы начать аргументацию в защиту любого вопроса. Даже самых простых явлений жизни нельзя доказать без предположений. Попробуйте только это сделать, и Вы увидите, что Вам нужно будет сослаться на те вещи, которые находятся «за пределами» того, что Вы

1. Обыкновенным примером такого рассуждения является выражение: «начать с желательного для себя вывода, а не доказательства». Часто оно заключается в повторении предпосылки, которая всё равно находится в выводе (например, как в заявлении: «это хорошо, потому что не плохо».

2. A. N. Whitehead, *Process and Reality*, (New York: Macmillan, 1967), стр. x.

пытаетесь доказать. Ни в чём не ошибаешься, когда начинаешь утверждение с недоказанной предпосылки или предположения. Делаешь ошибку тогда, когда придержишься данной предпосылки или предположения даже после того, как было доказано, что они плохо объясняют данные. Ничего плохого нет в том, что точишь свой топор; в этой серьёзной игре с мировоззрениями совершаешь ошибку тогда, когда продолжаешь «точить свой топор», зная, что плохое качество металла не позволит тебе наточить его так, как следует.

6) Надёжное мировоззрение избегает двух крайностей: принципа оккамского ножа, и редукционизма. Это значит, что надёжное мировоззрение не будет ни слишком простым, ни слишком сложным. Философ позднего средневековья, Уильям Оккамский (1300—1349), как утверждается, заявил: «Если ненадобно, то единиц не умножай», что значит: «не усложняй объяснительного постулата». Если твоя теория становится слишком сложной, то оккамский ножик отрежет некоторую часть её. Придерживаться этого правила, несомненно, желательно, однако — только до некоторой степени. Мы не должны придумывать ненужное для объяснения целого ряда данных, когда более простая теория прекрасно интерпретирует их.

Всё же, можно пойти слишком далеко, придерживаясь этого принципа «отрицания излишеств», так как простота не является единственным критерием надёжной гипотезы. Важным элементом также оказывается всесторонность. Если Ваша теория выходит столь простой, что некоторых данных совсем не учитывает и не объясняет, то ножик у Вас отрезал слишком много. Например, опишем такую простую вещь как яблоко. Представьте все черты яблока и обратите внимание на следующие предложения, его:

- 1) Яблоко — круглого формата.
- 2) Яблоко — круглого формата с гладкой поверхностью.
- 3) Яблоко — круглого формата с гладкой поверхностью сладко по вкусу.
- 4) Яблоко — круглого формата с гладкой поверхностью, по вкусу и красного цвета.

Ясно, что четвертое предложение по содержанию — самое надёжное, но также оно — самое сложное. Первое предложение — самое простое, но также по содержанию оно — самое недостаточное! Оно выходит ошибочным по причине своего редукционизма, который стоит в крайней противоположности оккамскому ножу. Совершаешь ошибку редукционизма всякий раз, когда «сводишь» сложный комплект данных лишь к одному аспекту и этим не обращаешь внимания или не объясняешь определённую часть данных. Яблоко — более, чем только круглого формата. Христиане считают, что человек — более, чем только «простое животное» или «масса материи». Поэтому мы считаем, что материализм виновен в редукционизме, когда он так определяет человека. В следующих главах я постараюсь доказать, что 1) материализм совершает ошибку редукционизма и что 2) христианство не противоречит принципу оккамского ножа.

7) Надёжное мировоззрение устанавливается не только одной линией доказательств или одним ударным аргументом, а целым сводом доводов, вместе взятых из разных источников. Способный метафизик подтверждает утверждение показанием того, что его теория, которая ссылается на доводы из разных источников, объясняет исследуемый материал. Как отдельные

пряжи каната, его различные линии доказательства сходятся в одну точку и они вместе подтверждают его главную теорию. При равных условиях, самым сильным понятием оказывается то, в котором есть самое большое количество прядей.

Если изменить метафору, то можно сказать, что надёжное мировоззрение подобно спектаклю, а метафизик подобен режиссёру. Режиссёр включает, один за другим, целую серию светильников, помещённых в разных местах сцены. Полное освещение со всех светильников как раз и падает на центр сцены. Когда включены все светильники, то Вы должны «увидеть» предлагаемое утверждение в центре сцены.

8) Надёжное мировоззрение не должно быть обязательно совершенным для того, чтобы его придерживались здравомыслящие люди. Совершенного мировоззрения нет; они все являются более или менее приемлемыми объяснениями действительности. Как считал Платон, мы должны принимать самые лучшие и бесспорные теории людей и сделать их нашими «плотами», на которых проплывём жизненное море.³ В каждом мировоззрении остаются недостатки, то есть необъяснённые данные, как в каждом важном судебном деле остаются несогласованные факты. То, что британский адвокат, Джон Спарроу, написал о судебном деле, применимо и к мировоззрениям:

«Каждый адвокат знает, что в важном и сложном судебном деле, при его конце, всегда остаётся свод невероятных и необъяснимых фактов. Гипотезу не опровергнешь показанием того, что все возможности как раз и говорили против осуществления некоторых событий, предполагаемых гипотезой. Многие происшедшие события, на самом деле, невероятны, но они всё равно происходят».⁴

Если Вы придёте к решению не принимать никакого мировоззрения для себя, пока не явите совершенное мировоззрение, то Вы и никакого мировоззрения не примете. Вам придётся вернуться к агностицизму. Но, конечно, Вы будете тогда непоследовательны в понятии, потому что жизнь требует какой-то деятельности от нас, деятельность требует оценки, оценка требует метафизики.

9) В конечном счёте, нужно нам отметить, что надёжное мировоззрение, по необходимости, *не устанавливается и не отрицается только опытом или только подробностями*. Я этим не хочу сказать, что опыт и подробности не помогают нам подтвердить мировоззрение; они действительно помогают нам это сделать. Я всего лишь утверждаю, что даже после того, как представить сопернику лучшую теорию, он может всё ещё продолжать придерживаться менее надёжной теории, потому что по какой-то причине он не видит превосходящей объяснительной силы Вашей теории. А когда свой взгляд меняет (то есть принимает другое объяснение), то это подобно тому, как говорится в одном выражении: «пелена спала с его глаз». Перемена происходит немедленно и он после этого может заявить: «Я прос-то не смотрел на дело с этой точки зрения!».

3. *Phaedo*, стр. 85b.

4. John Sparrow, *After the Assassination: A Positive Appraisal of the Warren Report* (New York: Random, 1969), стр. 13—14. Этот труд исследует данные, собранные Комиссией Уоррена после убийства президента США, Джона Кеннеди.

Этот принцип виден в интеллектуальной истории Европы. Херберт Баттерфилд показывает, что современное научное умонастроение возникло не потому, что новооткрытые данные заставили людей посмотреть на Вселенную с другой точки зрения, то есть в отличие от того, как смотрели на неё люди средневековья, а потому, что уже задолго до открытия телескопа и микроскопа большая перемена произошла в умах учёных, — перемена в точке зрения. Баттерфилд пишет:

«Из всех форм умственной деятельности самая трудная, которую нужно вложить даже в ум молодых, — которые, как предполагается, не потеряли свою гибкость, — это та форма, по которой занимаешься теми же самыми данными, как и до этого, но теперь ставишь их в новую систему отношений друг к другу тем, что придаёшь им новые рамки. А всё это означает, что с настоящего момента начинаешь рассуждать по-иному».⁵

С настоящего момента начинаешь по-иному рассуждать! Это, наверно, самое основное правило игры, относящейся к делу принятия мировоззрения. Или, если использовать любимую мной метафору: нужно надеть другие очки. Проверьте мои очки, Агнос, чтобы увидеть, не представляют ли они мир в более понятном виде, чем Ваши очки? Когда Вы будете читать всю книгу, то предполагайте, что христианский теизм достоверен и старайтесь ставить перед собой вопрос: не объясняет ли христианский теизм все данные лучше, чем материализм? Агнос, остальная часть исследования посвящена тому, чтобы собрать доводы для христианских очков. Читайте, пожалуйста, дальше, ибо если Вы тут же перестанете читать, то возможно после этого никогда не узнаете, как выглядит действительность через другие очки.